

Памяти Владимира Дмитриевича Набокова.

I.

Я помню В. Д. Набокова съ давнихъ поръ. Онъ былъ моимъ старшимъ товарищемъ по гимназiи, и тамъ уже выдѣлялся тѣми внѣшними и въ тоже время внутренне значительными чертами, которыми была отмѣчена потомъ вся его личность. Послѣ окончанiя гимназiи и университета передъ нимъ открылся широкой и блестящей жизненный путь и, казалось, наши дороги во всѣхъ смыслахъ разошлись. Но это только казалось.

Набоковъ, какъ сотрудникъ и соредаторъ „Права“, былъ насыщенъ идеей и настроенiемъ борьбы за право, и, когда началось „Освобожденiе“, основныя мысли котораго были выражены пишушимъ эти строки еще на страницахъ „Права“ въ статьѣ „Право и правá“, Владимiръ Дмитриевичъ сталъ близкимъ сотрудникомъ-другомъ заграничнаго изданiя, ведшаго борьбу за право и правá.

У всякаго значительнаго человѣка есть всегда въ глубинѣ его какая-то основная идея, болѣе того — какое-то опредѣляющее метафизическое ощущенiе. Спокойный, почти холодный и во всякомъ случаѣ всегда сдержанный и часто скептической, Набоковъ носилъ въ своей душѣ такое глубинное ощущенiе. То было — ощущенiе рока.

Въ первой же статьѣ, которую Набоковъ написалъ для „Освобожденiя“, оно вылилось съ замѣчательной силой, выпуклостью и красотой. Въ той комбинацiи историческаго наслѣдiя, назрѣвающихъ стихийныхъ и подспудныхъ народныхъ силъ и личныхъ свойствъ Монарха, Николая II, которую являла живая исторiя Россiи этой эпохи, онъ ощущалъ какое-то роковое сцѣпленiе, катастрофическое и неизбывное.

Тогда въ 1902 г., въ годъ, поворотный для исторической Россіи, онъ видѣлъ на ея горизонтѣ зловѣщія зарницы. Но тогда рокъ носился для него надъ верхами, которые въ безумномъ ослѣпленіи не видѣли прямыхъ путей государственной силы.

Въ 1917 и послѣдующіе годы, особенно часто послѣ 1919 г. я встрѣчался съ Набоковымъ и вновь ощутилъ въ немъ то же глубокое ощущеніе рока, но уже на этотъ разъ направленное въ другую сторону. Набоковъ, быть можетъ, менѣе кого бы то ни было изъ насъ ощущалъ роковую слѣпоту или слѣпой рокъ революціи, которая дошла до того, что многіе въ тяжелыхъ душевныхъ скорбяхъ вопрошаютъ себя: есть ли или же только была Россія и русская культура?

Несчастія Россіи такъ глубоко ранили и грызли его сердце, что они вставали передъ нимъ какъ нѣкій слѣпой рокъ, поборокъ который сознательными человѣческими усиліями неизмѣримо трудно, пожалуй, даже невозможно.

И вотъ мы видимъ: этотъ рокъ поглотилъ его земное бытіе. Но будемъ благодарны отошедшему отъ насъ другу и за его жизнь, и за его смерть: въ трагическомъ сцѣпленіи роковыхъ силъ онъ явилъ намъ великое начало, преодоляющее рокъ нѣкоей высшей силой.

Это — героическое начало личнаго подвига.

Я убѣжденъ, что живымъ осуществленіемъ этого начала Россія спасется отъ удушающихъ объятій безсмысленнаго рока и оживетъ сперва духомъ, а потомъ и плотью. Русская душа оздоровится и спасетъ Россію, когда съ упованіемъ и страстью отдастся героическому началу.

На этомъ пути нужны безчисленныя и большія духовныя силы, и В. Д. Набоковъ своею жизнью и своею смертью, запечатлѣнною героизмомъ, преодоляющимъ рокъ, сталъ уже одной изъ такихъ большихъ силъ.

Вотъ почему въ минуты глубокой и неутешимой личной скорби я радостно взываю къ его духу.

Парижъ. 3 Апрѣля 1922 г.

Петръ Струве.